

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/478/25

Обусловленность англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса

Николай Васильевич Азарёнок¹

¹ Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия, Azarenok_96@mail.ru

Аннотация. Посредством историко-правового анализа устанавливаются факторы, лежащие в основе формирования англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса. Обосновывается, что к таковым относятся географические и религиозные особенности, повлекшие за собой различные отношения между государством и личностью в Англии и континентальной Европе, приведшие в итоге к формированию двух правовых систем с состязательным и смешанным типами уголовного производства.

Ключевые слова: тип, форма, модель уголовного процесса, состязательность, розыск, смешанное уголовное производство

Для цитирования: Азарёнок Н.В. Обусловленность англосаксонского и романо-германского типов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 212–217. doi: 10.17223/15617793/478/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/25

Conditionality of Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure

Nikolay V. Azarenok¹

¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, Azarenok_96@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to establish the factors that led to the emergence of the Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure. In accordance with the aim, first of all, the conceptual apparatus is determined, in particular, such categories as “model”, “type”, and “form” of the criminal procedure. The author notes that these categories are based on the original conditions of life, which determined in their totality the mentality of the population living there and formed separate nations from it. In this connection, the reasons for the emergence in Europe of two fundamentally different forms of criminal proceedings – adversarial and mixed – should be sought in the mental characteristics of the society of England and the European continent. The author substantiates that geographic and religious factors are backbone for the mentality. Thus, the separation of England from the mainland predetermined its special historical path, associated with the limited influence of the Roman Empire, which allowed the British to preserve their historical identity. Europe, by virtue of its geographical position, has undergone widespread Romanization. This in turn led to religious differences. On the basis of the comparative legal and historical-legal analysis, it is noted that the role of law in European society was subordinate to the authorities, while in England the state acted on the legal field as only one of its subjects, along with private individuals. As a result of the study, the author came to the conclusion that it was the geographical and religious features that led to the different relations between the state and the individual in England and continental Europe, which eventually resulted in the formation of two legal systems with different types of criminal proceedings. This is confirmed by the evolutionary development of unified European criminal proceedings, when after the 17th century, under the influence of geographical and religious factors, the relationship between the state and the individual vertical to the authorities finally prevailed in continental countries, which eventually led to the widespread distribution of a mixed criminal procedure with pre-trial search proceedings. At the same time, in England, on the contrary, horizontal relations were firmly rooted, which excluded the dominance of the public over the private in public life and thus fixed adversarial criminal proceedings.

Keywords: type of criminal procedure, form of criminal procedure, model of criminal procedure, adversariality, search, mixed criminal proceedings

For citation: Azarenok, N.V. (2022) Conditionality of Anglo-Saxon and Romance-Germanic types of criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 212–217. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/25

Возникновение в Европе, несмотря на социально-культурную общность проживающих народов, двух систем права – англосаксонской и романо-германской,

получивших впоследствии мировое признание, оказало на отечественный уголовный процесс существенное влияние, отчетливо проявляющееся в наши дни.

Анализ этого явления позволит более точно установить обусловленность российского уголовного производства и определить пути его совершенствования.

Данный вопрос ученые рассматривают, как правило, сквозь призму категорий «модель», «тип» и «форма» уголовного процесса. По мнению исследователей, модель является мысленным образом, который содержательно наполняется реальными чертами и выступает формализованным образцом или аналогом какого-то идеального явления [1. С. 222–223]. Эволюционное становление уголовного процесса как общественно-правового явления находит свое отражение в той или иной типологии уголовно-процессуальной деятельности. Как отмечает К.Б. Калиновский, тип процесса выражает развитие уголовного процесса в той совокупности свойств, которая характерна для определенного этапа общественного развития [2. С. 49]. При этом, выделяя большое количество реально существующих или существовавших в прошлом режимов судопроизводства, мы переходим от общего – понятия типов и их видов – к особому и частному, от внутреннего – к внешнему, т.е. получаем понятие «формы процесса», которая также является типом судопроизводства, однако не абстрактно-идеальным, а реальным [3. С. 15]. В таком понимании модель дает представление об уголовном процессе на самом высшем уровне общности, тогда как тип позволяет максимально обобщить наши знания об уголовно-процессуальной деятельности, а форма характеризует конкретно-историческую организацию отдельного вида национального уголовного производства. Ученые едины в том, что изучение конкретных правовых систем необходимо производить путем исторического анализа. Этот подход, подчеркивает Л.В. Головкин, имеет не только абстрактно-теоретическое, но и практическое значение, позволяя правильно понять вектор развития уголовного производства той или иной страны, определить наиболее близкие ему уголовно-процессуальные системы других государств, уяснить место национальной модели на сравнительно-правовой карте мира [4. С. 67]. В связи с этим логичен вопрос: почему в едином европейском пространстве появились разные формы судопроизводства?

Очевидно, ответ на этот вопрос необходимо искать в сложившихся на данном пространстве самобытных условиях жизнедеятельности, определивших в своей совокупности менталитет проживающего там населения и сформировавших из него отдельные нации. Еще в 1957 г. один из авторитетных ученых, Ф. Бродель, активно выступил против господства «событийной истории». Главное внимание он уделял факторам, делающим тщетными усилия и надежды людей, ключевую роль отводя при этом понятию «время большой напряженности», тесно связывая его с понятиями «структура» и «менталитет» [5. С. 25]. Справедливо указывает на это А.В. Смирнов: «Трудность в том, что причины существования архетипов судопроизводства весьма глубоки и имеют не современно-политическое, а историческое объяснение. Политические бури проносятся над этими глубинными течениями, вызывая на поверхности завихрения и водовороты, но на про-

тяжении целых столетий не в силах изменить главного направления их движения» [3. С. 133]. При этом сам автор, к сожалению, данный вопрос обходит стороной, сосредоточивая свое внимание на теоретическом описании того или иного типа уголовного судопроизводства, не углубляясь в причины, приведшие к его формированию. На то, что уголовно-процессуальный закон является элементом культуры соответствующего народа, указывают в своей работе А.С. Барабаш и А.А. Брестер [6. С. 25].

Таким образом, причины возникновения в Европе двух принципиально разных форм уголовного судопроизводства – состязательного и смешанного – следует искать в ментальных особенностях их носителей, установив национальную специфику между в целом схожими народами Англии и Европейского континента и проследив при этом ее влияние на образование двух обозначенных форм уголовного судопроизводства. Как известно из философии, общее постигается через частное. Методологический подход к решению этого вопроса уже предложен Александром Сергеевичем Барабашом, обосновавшим такие формирующие менталитет факторы, как географический, религиозный, отношения государства и личности, роль права в обществе [7. С. 5–6]. Принимая данную позицию, следует иметь в виду, что именно первые два фактора лежат в основе государственно-правовой сферы, формируя тем самым и его уголовное производство.

Географическое положение сыграло решающую роль в развитии Англии, отделив ее от большой земли проливом Ла-Манш. Такой естественный водораздел сформировал у местного населения чувство собственной «идентичности», отличая от своих соседей. Благодаря этому сформировались предпосылки для «особого исторического пути», связанные с ограниченным влиянием Римской империи, что позволило англичанам сохранить свою историческую самобытность. Европа же в силу своего географического положения подверглась повсеместной романизации. Это, в свою очередь, привело к религиозным различиям. Так, католической церкви были подчинены в основном страны, находящиеся в «пешей» доступности от ее центра – Рима. Однако в Англии Папа Римский никогда не имел такого влияния. Кроме этого, одним из значимых исторических событий, способствовавших гражданским вольностям и либерализму в Англии, стала реформация местной церкви, когда в противовес римскому влиянию особое распространение здесь получили протестантские идеи Мартина Лютера, положившие начало расколу западного христианства на католическую и протестантскую духовные традиции. Восприятие идей Реформации повлекло за собой кардинальные последствия для развития Англии. В 1534 г. произошел церковно-административный разрыв с Римом. Историки традиционно высоко оценивают значение Реформации в истории Англии: в их толковании учреждение религиозных свобод стало, в сущности, исходной точкой в развитии политического либерализма, стимулируя также и развитие предпринимательства [8. С. 127–130]. Таким образом, протестантизм закрепил полную независимость Англии от

Римской католической церкви. Более того, его идеи окончательно сформировали в англичанах свободную и предприимчивую нацию, в которой личные права каждого в государстве стояли на первом месте.

В Европе же, наоборот, как отмечают исследователи, «на протяжении всей истории Средних веков в духовной жизни общества главенствующую роль играла христианская католическая церковь. В условиях всеобщего упадка культуры, произошедшего после распада Римской империи, только церковь в течение долгого времени оставалась единственным социальным институтом, общим для всех стран Западной Европы. Церковь предлагала людям стройную систему знаний о мире и его устройстве, о действующих в нем законах» [9. С. 139]. При этом Церковь выстраивала «вертикальные» отношения с верующими, основанные на безусловном послушании. Этот подход, с одной стороны, позволил ей сохраниться в период общественных потрясений, а с другой – тормозил социальное развитие, препятствуя становлению личных прав граждан.

Проявляющиеся все сильнее различия в отношениях государства и личности в Англии и континентальной Европе, помимо прочего, были обусловлены нормандским завоеванием Англии в 1066 г. Легкость победы Вильгельма, по мнению авторитетного ученого Н. Хайама, автора монографии «Гибель англосаксонской Англии», объясняется не его военным превосходством; здесь вступили в действие иные факторы – политические и психологические [10]. Так, после нормандского завоевания в Англии сложилась уникальная ситуация, при которой франкоговорящая правящая элита оказалась оторванной от основной массы местного населения, и потому для того, чтобы удерживать власть, ей пришлось идти на компромиссы по целому ряду вопросов. В результате начала формироваться договорная культура между королем и обществом. Необходимость поиска соглашений во всех сферах общественной жизни стала залогом существования нормандской Англии и определила ее будущее развитие [11]. Об определяющей роли уступок между властью и обществом пишет А.В. Смирнов: «В дальнейшем компромисс приобрел чисто политические формы. Бурный и неконтролируемый рост королевской власти на “закваске” нормандского завоевания был скоро и грамотно приостановлен баронами (“Великая хартия Вольностей” 1215 г.), что положило начало ограничению власти монарха и формированию в XIII–XIV вв. сложной формы управления, согласующей права короля с правами “общин”, члены которых привыкли ставить во главу угла свои права, подкрепленные обычаем, законом и судом. Этот компромисс также способствовал дальнейшему становлению суда присяжных как суда “равных”, отделению его от большого жюри, которое охраняло права членов общин, контролируя вопрос о предании их суду. Был введен институт не оплачиваемых государством (а значит, ничем ему не обязанных) мировых судей, назначавшихся из представителей мелкопоместного дворянства» [3. С. 156].

Таким образом, англичане напрямую договаривались с властью, которая не имела у них такого авторитета, как в Европе, поскольку пришла извне и была чуждой им. Привнесение нормандской завоевательной культуры в массы местного населения (бриттов-язычников) потребовало построения организационно-управленческой системы на принципиально иной, чем на континенте, основе. В результате исторически характер англичан сформировался так: надо самостоятельно отстаивать свои права («мой дом – моя крепость»), – поэтому вся последующая история Англии состоит в поиске компромисса между двумя равнозначными интересами: государственным и частным. При этом уникальность Англии в том, что это было обоюдное движение: завоеватели-норманны также были заинтересованы в договоренностях с местным (коренным) населением, чтобы сохранить свое влияние на него.

По-другому строились взаимоотношения государства и личности в континентальной Европе: в их основе была вера людей в сакральность и целительную силу королевской власти. «Монарх, – писал С.С. Аверинцев, – сам по себе есть только человек; но, с другой стороны, власть над людьми не может принадлежать человеку и принадлежит только богу (и богочеловеку Христу как единственно правомочному “царю” верующих). При таких условиях небожественный монарх может участвовать в божественной власти как ее живая икона и эмблема, так что все ее бытие становится церемониалом» [12. С. 313]. В результате были сформированы «вертикальные» связи власти-подчинения. Авторитет правителя (короля), подкрепленный католической церковью, объяснявший его божественное происхождение, был незыблемым. В этих условиях речь не могла идти ни о каких компромиссах. Обществу приходилось мириться с вечным подданством. В итоге отношения государства и личности на едином Европейском пространстве стали иметь принципиально разную природу: если на островной его части они строились на «горизонтальных» условиях равноправия, то на континенте действовала «вертикаль» подчинения.

Изложенное обусловило, в свою очередь, различия в правовых системах Англии и остальной Европы. Одно дело – формировать право для народа, которому оно привычно, а другое – преподнести завоевателями извне местному населению какую-то правовую культуру, незнакомую для них. Вот почему норманнам понадобилось выстраивать совершенно иную правовую конструкцию с учетом местных традиций и отсутствия опоры на сильную централизованную власть, в том числе церковную. Как следствие, в Англии в соответствии с принципом верховенства права не признается его деление на частное и публичное. Такое подразделение, пожалуй, отрицается с особым пафосом, так как это различие всегда рассматривалось как реализация идеи о том, что государство и правительство могут праву не подчиняться. Согласно данному положению, все равны перед правом, поскольку закон – это не единственный или преимущественный источник правовых норм, вместе с ним существует

судебный прецедент, обычай. Государство является на правовом поле лишь одним из его субъектов наряду с частными лицами. Тем самым государству, преследующему публичный интерес, и отдельным людям с частными устремлениями всякий раз приходится доказывать в суде свою правоту, когда они обращаются к нему за правосудием. Английский суд в такой конструкции не выступает на стороне государства, поскольку здесь отсутствует законодательно оформленное деление государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Судебная система занимает обособленное положение и пользуется огромным уважением и авторитетом. Исполнительная и законодательная ветви на нее практически никакого влияния не оказывают. Более того, у данных институтов различные интересы, т.е. интерес государства (исполнительной власти) не присущ судебной власти.

По-другому складывалась ситуация на континенте, где право было подчинено властным интересам, что стало возможным из-за рецепции римского права, постулирующего положение: *Quod principi placuit, legis habet vigorem* (лат.) – что угодно государю, да имеет силу закона. В результате государственным институтам на континенте изначально придавалась ведущая роль в упорядочивании социальных отношений, тогда как в Англии правительство выступало лишь в качестве посредника, претворяющего в жизнь правовые требования [13. С. 2]. Во Франции эта тенденция началась еще в XIII–XIV вв. «И уже после Революции (имеется в виду Великая Французская революция 1789–1799 гг. – Н.А.), – пишет А.С. Волков, – Наполеон I Бонапарт задумал и организовал само французское государство как инструмент, позволяющий ему превратить консервативное феодальное общество в либеральное, основанное на равных правах граждан. Наполеон хотел, чтобы страна была защищена от консервативных судей, поэтому фактически ему пришлось отделить публичное (общественное) право от частного. Даже сегодня судья административного суда имеет ограниченные полномочия для осуществления своих решений в отношении государственной администрации. Суд стал просто органом, который применяет закон, а законотворческие полномочия полностью перешли от суда к законодательному органу. Наполеон создал новую сферу правовых норм – публичное право, не подконтрольное и, следовательно, отделенное от традиционного частного права. Появление публичного права дало больше полномочий исполнительной власти. Это решение Наполеона, вероятно, имело критическое влияние на формирование различий между англосаксонской правовой системой и романо-германской, поскольку в англосаксонской правовой системе разделение на частное и публичное право отсутствует» [16. С. 56].

В связи с этим закон в системе источников права имел особую значимость, что обусловило первичность законодательства и вторичность судебной практики. Закон стоял выше в иерархии источников права по отношению к прецеденту. Как следствие, в романо-германской правовой семье судебная система яв-

ляется частью государства наряду с исполнительными и законодательными органами. А это означает, что суд находится на одном уровне с исполнительной властью (обвинением). В основе их деятельности лежит общий интерес – государственный. При этом государство, в лице законодательной власти издающее законы и их же исполняющее, не может быть равнозначным (имеющим равные права и обязанности) субъектом наряду с человеком. Особенно это касается такой публичной отрасли права, как уголовный процесс.

Таким образом, именно географические и религиозные особенности, повлекшие за собой различные отношения между государством и личностью в Англии и континентальной Европе, привели в итоге к формированию двух правовых систем с различными типами уголовного производства. Данный вывод подтверждается эволюционным развитием когда-то единого европейского уголовного судопроизводства.

Так, уголовно-процессуальный порядок в период Римской империи был обвинительным и одинаковым как для Англии, так и для стран континентальной Европы. Его суть сводилась к судебным спорам обвинителя и обвиняемого в виде поединков, клятв, различного рода испытаний огнем, водой, раскаленным железом и т.д. Как пишет Л.В. Головкин, «...перед доказыванием в таком процессе не ставилась задача установления истины, поскольку в то время были широко распространены различного рода предрассудки, включающие какую-либо объективность. Кроме этого, роль церкви еще не была достаточной для отыскания “воли Божьей”» [15]. При этом древние греки уже тогда обособляли выделение в познании объективной и юридической истины, и если первая рассматривалась в контексте божественной воли, то вторая выступала мерой согласования точек зрения различных группировок афинского общества. Однако истина в то время не была востребована уголовным судопроизводством, поскольку его познание находилось под влиянием суеверий, случая и т.д. Как такового исследования события преступления не было, все решалось в поединке или иным образом.

В дальнейшем, к середине XI в., в Англии и странах Европы на смену обвинительному процессу приходят частно-исковые процедуры. Как следствие, вместо судебных поединков и ордалий начинают использоваться свидетельские показания и иные доказательства. Именно в Англии такая модель судопроизводства оказалась наиболее востребованной, окончательно возобладав после буржуазной революции XVII в. и сохранившись вплоть до второй половины XIX в. Это произошло в силу обозначенных исторических особенностей, проявившихся в либеральной концепции отношений государства и личности, приведших к установлению перманентного компромисса между ними, что в области уголовного судопроизводства обусловило преобладание формальной истины как итога судебного состязания равноправных сторон.

Однако во Франции всплеск частно-искового процесса, пришедший на XIII–XV вв., постепенно сошел на нет по причине значительного усиления коро-

левской власти, а также набравшей силу инквизиции с широко применяемыми розыскными процедурами. В результате в XV–XVI вв. частно-исковая форма была поглощена инквизиционной, что проявилось в Большом уголовном ордонансе Людовика XIV (1670 г.), уже предусматривавшем в уголовном процессе досудебный этап в виде предварительного следствия. Неудивительно, что, по мнению французских юристов, предварительное следствие рассматривается как наиболее значительная часть уголовного процесса в целом, даже по отношению к судебному разбирательству [16. С. 55].

Таким образом, развитие Европейского уголовного судопроизводства шло в едином русле вплоть до XVII в., после чего под влиянием географического и религиозного факторов в континентальных странах окончательно возобладали «вертикальные» отношения между государством и личностью, приведшие в итоге к повсеместному распространению смешанного уголовного процесса с розыскным досудебным

производством. При этом в Англии, наоборот, прочно укоренились «горизонтальные» отношения, исключившие доминирование в общественной жизни публичного над частным и закрепившие в связи с этим состязательное уголовное судопроизводство. Подтверждение этому мы находим у А.В. Смирнова, указывающего на то, что классическому английскому типу уголовного процесса и старофранцузскому XIV–XVI вв. известны многие общие институты. Однако те самые формы, которые в Англии к XVII в. приобрели живой характер спора сторон, на французской почве надолго застыли мрачными фигурами инквизиции. Французский судья был правительственным чиновником и считал своим долгом сам исследовать все обстоятельства дела, в то время как институт английских мировых судей изначально был задуман как управа на местную исполнительную власть со стороны подданных, т.е. как элемент системы сдержек и противовесов, потому-то они и стремились предоставить выяснение истины самим сторонам [3. С. 144].

Список источников

1. Стойко Н.Г. Модель уголовного процесса как концептуальное выражение его осуществления на практике // Пробелы в российском законодательстве : юридический журнал. 2009. № 1. С. 222–227.
2. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 208 с.
3. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука ; Альфа, 2000. 224 с.
4. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1277 с.
5. Гирько А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2006. 180 с.
6. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2013. 218 с.
7. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 203 с.
8. Dickens A.G. The English Reformation. London : Longmans ; Green and Co., 1973.
9. Бежко И.С., Моисеева О.Г. Инквизиция и инквизиционный процесс в странах Западной Европы // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2, № 12. С. 139–142.
10. Higham N. The death of Anglo-Saxon England. Sutton, 2000. 234 p.
11. Ridyard S. Condigna veneratio: post-conquest attitudes to the saints of the Anglo-Saxons // Anglo-Norman studies. Cambridge, 1987. Vol. 9. P. 179–206.
12. Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество / ред. кол.: Ю.Я. Барабаш (отв. ред.) и др. М. : Наука, 1977. С. 308–337.
13. Fleiner T. Common Law and Continental Law: Two Legal Systems. 2005. URL: <https://studyres.com/doc/13021050/common-law-and-continental-law--two-legal-systems> (accessed: 19.02.2021).
14. Волков А.С. Влияние Европейского Союза на современную правовую систему Великобритании // Право и политика. 2018. № 8. С. 52–60.
15. Головки Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2015. С. 60–68.
16. Головки Л.В. Допзнание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М. : СПАРК, 1995. 130 с.

References

1. Stoyko, N.G. (2009) Model' ugovornogo protsessa kak kontseptual'noe vyrazhenie ego osushchestvleniya na praktike [Model of the criminal procedure as a conceptual expression of its implementation in practice]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve: yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 222–227.
2. Kalinovskiy, K.B. (1999) *Zakonnost' i tipy ugovornogo protsessa* [Legality and types of criminal procedure]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
3. Smirnov, A.V. (2000) *Modeli ugovornogo protsessa* [Models of the criminal procedure]. Saint Petersburg: Nauka; Al'fa.
4. Arutyunyan, A.A. et al. (2016) *Kurs ugovornogo protsessa* [A course of the criminal procedure]. Moscow: Statut.
5. Gir'ko, A.A. (2006) *Vliyaniye rossiyskogo mentaliteta na pravovoe soznanie grazhdan v sovremennykh usloviyakh* [Influence of the Russian mentality on the legal consciousness of citizens in modern conditions]. Philosophy Cand. Diss. Stavropol.
6. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugovornogo protsessa* [The method of the Russian criminal procedure]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
7. Barabash, A.S. (2013) *Sushchnost' otechestvennogo ugovornogo protsessa v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta* [The essence of the domestic criminal procedure in the light of the Russian national mentality]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
8. Dickens, A.G. (1973) *The English Reformation*. London: Longmans; Green and Co.
9. Bezhko, I.S. & Moiseeva, O.G. (2015) *Inkvizitsiya i inkvizitsionnyy protsess v stranakh Zapadnoy Evropy* [The Inquisition and the Inquisition Process in the Countries of Western Europe]. *Trudy molodykh uchennykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (12). pp. 139–142.
10. Higham, N. (2000) *The death of Anglo-Saxon England*. Sutton.
11. Ridyard, S. (1987) Condigna veneratio: post-conquest attitudes to the saints of the Anglo-Saxons. *Anglo-Norman studies*. 9. pp. 179–206.

12. Averintsev, S.S. (1977) Simvolika rannego Srednevekov'ya (k postanovke voprosa) [Symbolism of the early Middle Ages (to the formulation of the question)]. In: Barabash, Yu.Ya. et al. (eds) *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Semiotics and artistic creativity]. Moscow: Nauka. pp. 308–337.
13. Fleiner, T. (2005) *Common Law and Continental Law: Two Legal Systems*. [Online] Available from: <https://studyres.com/doc/13021050/common-law-and-continental-law-two-legal-systems> (Accessed: 19.02.2021).
14. Volkov, A.S. (2018) Vliyaniye Evropeyskogo Soyuza na sovremennuyu pravovuyu sistemu Velikobritanii [Influence of the European Union on the modern legal system of the UK]. *Pravo i politika*. 8. pp. 52–60.
15. Golovko, L.V. (2015) [Russian criminal procedure and objective truth]. *Obvinenie i zashchita po ugovolnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 60–68. (In Russian).
16. Golovko, L.V. (1995) *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugovolnom protsesse Frantsii* [Inquiry and preliminary investigation in the criminal procedure of France]. Moscow: SPARK.

Информация об авторе:

Азарёнок Н.В. — канд. юрид. наук, докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Azarenok, Cand. Sci. (Law), associate professor, doctoral student, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Azarenok_96@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 08.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*